

Иль Фарг. Невестка Эмира

Автор:

Ульяна Соболева

Иль Фарг. Невестка Эмира

Ульяна Соболева

Ахмад: «Увидеть и адски вожделеть дочь своего самого лютого врага? Дочь того, кто изуродовал мою душу и мое тело? Девку, которая окрутила моего сына и вышла за него замуж? Даааа, я ее захотел. И по нашим законам она ему не жена... и я заберу ее себе. Нас обоих ждет вечная тьма, как перед рассветом!» Вика: «Я, наивная маленькая дурочка, поверила в счастье, но принц... позволил чудовищу с изуродованной душой отобрать у меня сказку и превратить мою жизнь в адскую пытку, где добро не побеждает зло, где главный злодей не исправится, тьма не станет светом. Потому что ни один нормальный отец не отберет у родного сына невесту и не сделает ее своей рабыней». ХЭ. СЛР. ОСТОРОЖНО, ЕСТЬ МАТ! НЕГАТИВ ЧИЩУ! В КНИГЕ МНОГО СТРАДАНИЙ! НАСИЛИЯ! Между главными героями! Розовые Единороги сдохли и завонялись!)

Ульяна Соболева

Иль Фарг. Невестка Эмира

Пролог

Ахмад Мухаммад ибн Бей испытывал ко мне какую-то противоестественную бешеную ненависть, вперемешку с этим невыносимым выражением похоти на дне его черных огромных глаз. И я понятия не имела, за что... чем я заслужила

такую жуткую участь, и почему именно он отобрал у меня счастье. За что? Зачем я ему?

Когда где-то за дверью объявили:

«Эмир пожаловал»

Я вся снова заледенела от ужаса, а надежда, что Рамиль возразит своему монстру-отцу, исчезла, едва я взглянула в испуганные и жалкие глаза своего жениха еще там, когда Ахмад объявил, что никакой свадьбы не будет.

– Пошел вон, не путайся под ногами! – рявкнул он тогда сыну, и тот трусливо ретировался, уступая более сильному противнику.

Голос Ахмада прозвучал настолько отчужденно, настолько холодно, что мне показалось, я сейчас упаду в обморок от одного его звука. Никто и никогда не пугал меня настолько сильно, как этот человек, которого и человеком язык назвать не поворачивался.

Эмир вошел в спальню и занял собой все пространство комнаты. Огромный, высокий, худощавый и в тот же момент настолько сильный, что каждая его мышца прорисовывается под черным лонгсливом с воротником под горло. Сколько ему лет? Он выглядел достаточно молодо... Лет тридцать пять или тридцать шесть. Красивый до боли в глазах и в тот же момент совершенно изуродованный с левой части лица грубым шрамом от ожога. Я вздрогнула, увидев этот шрам, но не от жалости, а от суеверного ужаса, потому что он пугал меня, как самое страшное и ненасытное чудовище из адских кошмаров, и это чудовище пришло ко мне в спальню, чтобы уничтожить и разодрать на части.

Эмир двигался, как большая пантера. Играючи мышцами, пружинисто и хищно. Когда он приблизился ко мне, я шумно выдохнула, и мне показалось, что из моего рта пошел пар – настолько рядом с ним стало холодно и опасно.

Ахмад наклонился ко мне, тронул мои волосы и с неким звериным удовольствием выдрал из волос заколку так, чтобы те рассыпались по спине.

– Похожи на омерзительный снег из твоей страны... всегда ненавидел его. Как и зиму, как и все, что с вами связано.

И поднял прядь волос, наматывая на запястье, чтоб уже через секунду рвануть мою голову назад.

Какие огромные у него глаза. Темно-карие. Похожие на бархатную адскую тьму с мелкими золотистыми прожилками. И в черном расширенном зрачке отразилось мое бледное лицо.

– Если я вошел в помещение – ты должна встать, а потом поклониться мне и поцеловать мою руку. Хотя... мне доставит наслаждение наказать тебя за непокорность. Ты даже не представляешь, как часто и как больно я буду тебя наказывать. А еще... ты будешь меня умолять, чтобы я сделал это снова.

Я не хотела наказаний. Мне было страшно, дико и отвратительно. Я всегда боялась боли, страданий и мучений. Я хотела, чтоб меня отпустили, чтоб этот кошмар кончился, и я смогла уехать домой. Пусть отпустит... я ведь просто хотела выйти замуж за его сына. Зачем... зачем он сам женился на мне? Чтобы истязать? За что так люто ненавидит меня?

– Хорошо.

– Не хорошо, а хорошо, мой эмир! Повтори!

Сдавил волосы сильнее, наклоняя меня вниз к своей руке с длинными шрамами на запястье.

– Хорошо, мой господин!

– Целуй!

И я с трепетом прижалась к шраму губами.

Ахмад рывком поднял меня вверх и, сдавив мою грудь, прошипел мне на ухо.

– Ты понятия не имеешь, что такое боль... Ты о ней только слышала или видела в своих тупых мелодрамах. А теперь ты с ней познакомишься. Я сделаю с тобой все, что захочу. Сделаю все то, что творили с моими людьми... такие, как твой отец, и он вместе с ними. Ты станешь моей преданной, покорной сукой, с вечно раздвинутыми ногами и открытым ртом. Я научу тебя ползать у меня в ногах и просить тебя вые*ать!

Такой адской и черной ненависти я никогда не видела в чьих-то глазах. Они такие страшные, такие холодные, такие горящие диким огнем. И то, что он говорит, словно хлыст бьет меня по нервам, по оголенным венам, заставляет взвиться и напрячься всем телом.

– Я буду учить тебя стать моей собакой прямо сегодня ночью, и ты ублажишь меня так, как я того захочу.

Я не знала, за что он так меня ненавидит. Всего лишь день назад я собиралась выйти замуж за Рамиля, всего лишь день назад я была невестой красивого, доброго парня... а уже сегодня я стала женой исчадия ада, чудовища с человеческим лицом. Мой мир разбился вдребезги и никогда не станет прежним.

– Ты будешь носить на своей шее ошейник, ты будешь моей рабыней, моей собственностью, моей псиной. Теперь ты принадлежишь мне!

– Я... я ничего не сделала, я... я хотела стать, стать женой вашего сына... я люблю его... я...

– ЗАТКНИСЬ! Я прекрасно знаю, зачем ты собралась выйти за моего сына, и сколько ему стоило твое согласие! Запомни... в любую секунду лечение твоей сестры прекратится, в любую секунду твою мать снова посадят за решетку!

Мне стало холодно. Настолько холодно, что по всему телу проступили мурашки от озноба. А его страшные глаза сверкнули брезгливым отвращением. Рука продолжала сжимать мою грудь, пока он вдруг не сдернул корсаж свадебного платья вниз к поясу.

Пальцы сдавили сосок, и я вскрикнула от боли. Он сжимал кончик груди с такой силой, что у меня на глазах выступили слезы.

– И нет... я не твой господин. Слишком много чести для собаки. Ты будешь называть меня – хозяин. Ты просто моя собственность и принадлежишь мне. Никаких прав у тебя нет, пока я их тебе не дал. В моем мире у женщины нет души... как и у псины.

Мне очень хотелось, чтобы его пальцы отпустили сосок, но он сдавил его еще сильнее.

– Повтори. Я твоя собака, хозяин, и сделаю все, что ты захочешь, добровольно!

Он улыбался, как психопат. С ненавистью и вожденной похотью. Он внушал мне суеверный ужас своей жуткой красотой и уродливыми шрамами.

– Прошу... мне больно..., – взмолилась и закусилла нижнюю губу. – Я сделаю все, что вы захотите!

– Прошу? Кого ты просишь? – еще сильнее, так, что теперь хочется зарыдать.

– Прошу, мой хозяин.

– Правильно. Умница.

И отпустил сосок. По моим щекам градом полились слезы от унижения и его непонятной жестокости. В ту же секунду его палец нежно погладил красный и пульсирующий от боли сосок. Я почти не дышала.

– Снимай с себя платье и становись на колени! Только вначале завяжи себе глаза!

И я вспомнила, как кто-то из женщин прошептал... там в зале для гостей.

«Интересно, а свою жену он будет трахать с закрытыми глазами или... ей все же можно будет смотреть?»

И швырнул мне черную ленту, продолжая прожигать меня своим черным невыносимым взглядом.

Глава 1

Мне было страшно, и в то же время по телу проходила дрожь предвкушения. Сегодня я буду принадлежать Павлику и только ему. Стану по-настоящему его женщиной. И страшно, потому что никогда и ни с кем ничего не было. Берегла себя. Хотела, чтоб красиво и по любви, хотела, чтоб помнить и не стыдно было. Тетя старой закалки у меня, она всегда говорила «умри, но не давай поцелуя без любви»

У. Соболева. «Невеста для Хана»

- Пять тысяч баксов найдешь, и ее выпустят.

- Сколько? Она же не убила никого!

Слезы застилают глаза, не вижу даже лицо прокурора. Мне оно кажется размытым бледным пятном.

- Убила бы – не откупились бы! Пять тысяч. Ты что, глухая? И не реви здесь, и без тебя башка раскалывается.

- Где я их возьму? У нас сестра в больнице после аварии, все деньги на ее лечение уходят! Вы... вы ведь даже не нашли того подонка, который ее сбил!

- Это не ко мне, а к следаку. И не дави на жалость, у меня таких, как ты, жалких, вагон и маленькая тележка. Мне какая разница? Продай что-то. Машину, квартиру.

Машину? Какую машину? Нет у нас машины. И квартира двухкомнатная хрущовка, где ремонт сто лет не делался, а еще там отчим прописан. Он и копейки не даст, ушел от нас еще лет пять назад, а от квартиры никогда не откажется. И так намекает, что как только так сразу свою долю отберет, а если маму посадят, то вообще нас всех оттуда вышвырнет. Вспомнила мясистое, испитое лицо отчима, и передернуло всю. Отец... отца у меня давно не стало. Его убили в горячих точках, когда я еще ребенком была.

– Так, все, Зимина, освободи помещение. Реви в коридоре. Давай. Нервов на вас не наберешься. Несчастные все. А как задницей на вечеринках вертеть, ни о чем не думаете!

– Я маме помогала. На кухне. Даже не официантка.

– Заведение увеселительное. Знала, куда шла.

– Но ведь можно поменьше... хотя бы в половину. Умоляю вас.

Ударил кулаком по столу и посмотрел на меня из-под круглых очков в толстой оправе. Нет, не из дешевых, а наоборот – из дорогих и модных. Я, когда маме очки искала, видела такие за огромную сумму в «оптике». Мне на такие год работать. А этому борову жирному четверть такого дела, как у мамы, и он уже при очках.

– Мы что, на рынке? Ты к потерпевшему сходи, посмотри! Посмотри на лицо это. Она его бутылкой из-под шампанского пригрела. А там и отец, и мать хорошие люди. Отец с политикой связан... у него связи имеются. Иди к ним договаривайся. Им поной.

– Адрес дайте.

– На, – начеркал на листике, – мне не положено, конечно, но на тебя посмотришь и дерьмом себя чувствуешь. Ты бы в актрисы шла, Зимина. Глядишь, и денег заработаешь. У тебя хорошо получается слезы лить.

– В порно актрисы, – хохотнул сзади его помощник, и я обернулась к нему с красным от ярости лицом. Ублюдок. Понимает, что я и слова возразить не могу, и унижает, гад. Как же я их ненавижу. Сытые, довольные жизнью сволочи, которые и понятия не имеют, что значит голодать, что значит вместо шоколада хлеб сахаром посыпать.

– Волошин! – рявкнул прокурор.

– Что? Я ж пошутил. Ну она красивая, фигура, все такое...

– Все такое. Мордой в стол и строчи доклад. – повернулся ко мне, – Деньги нужны до конца месяца. Принесешь, можно будет с нужными людьми договориться, и срок скостить, и закрыть где-то поближе и не в такое лютое место. Поняла?

Я кивнула, а Алексей Сергеевич сунул мне в руку бумажку с адресом. Закрыть... Если маму закроют, то это конец. Операцию Ляле не сделают в ближайшее время, и могут начаться необратимые осложнения.

– Давай. Иди к родителям потерпевшего. Если повезет, заберут заявление.

Это все я виновата. Не надо было соглашаться обслуживать вместо Зойки стол этих ублюдков. Но меня соблазнила мысль о чаевых. А так я всегда на кухне с мамой вместе. В зал никогда не выхожу. Один из этих отмороzków закрыл меня в туалете и не выпускал, пока не соглашусь с ним... в этом же туалете. Мама меня искать пошла, оттащить пьяного от меня не смогла и ударила по башке. Дальше помню только, как приехала полиция и скорая. Мажора увезли в больницу с травмой головы, а маму в отделение.

Из-за меня все это.

К родителям мажора ехала на метро, потом на троллейбусе. Долго пешком шла к новостройкам. Целые комплексы с ограждением, фонтанами, охраной. О чем мне с ними говорить. Где они, а где я. Но ведь можно попробовать. Можно попытаться рассказать, как все было на самом деле. Это их сын меня унижал, затащил в туалет. Помню его пьяную рожу, и как говорил «давай, детка, отсосешь мне одному или по кругу пустим и бутылочкой тебя твоей из-под шампанского отчпокаем». Я испугалась. Их было четверо.

Позвонила в массивные темно-шоколадные двери. Мне открыли не сразу. Затем консьерж сказал, что Пахомовы живут на последнем этаже в пентхаусе. Еще одни, кто не знает, что значит голодать и жить в квартире с тараканами. И не потому что грязно, а потому что первый этаж и внизу в подвале бомжи живут... тащат всякую дрянь. Гнилью и падалью воняет. Не то, что в этом подъезде с блестящими стенами в зеркалах.

В квартиру меня впустил лакей в строгой одежде и оставил ожидать в прихожей. Ко мне вышла женщина в возрасте с аккуратной, модной стрижкой,

тяжелыми серьгами и модном велюровом халатике.

– Кто вы такая, и что вам надо? – грубо спросила она, запахивая малиновый халат в павлинах и шаркая тапками с меховыми бубонами ярко-салатного цвета.

– Добрый день. Простите за беспокойство. Я... я Виктория Зимина... ваш сын... и моя мама. Вы понимаете, мама очень хороший человек. Она в две смены работает. Любит меня очень. Недавно сестру машина сбила, она в больнице уже два месяца, не встает с постели. Я работаю в «Вояже»...на кухне. Стол вашего сына обслуживала случайно... Они приставать начали, и мама за меня заступилась, понимаете? Она не алкоголичка... как он написал в заявлении, она даже не курит...

– Боря! – взвизгнула женщина, – Ты должен это видеть, Боря! Тут прошмандовка эта пришла! Сучка наглая явилась к нам в дом! Шалава, из-за которой наш Витенька в больнице!

Я тут же попятилась назад.

– Боряяя! Иди посмотри на эту тварь! Сколько наглости в человеке, откуда только берется эта... эта наглая шваль. Прийти к нам домой!

– Простите... я думала, простите.

Быстро побежала к выходу.

– Шлюха такая! ВЕртите своим задом! Потом парни виноваты! Пошла воооон!

Выбежала из подъезда, согнулась пополам пытаюсь отдышаться. Ну вот. Можно было и не пробовать. Можно было не тратить деньги на дорогу. А вечером еще в кафе идти, отрабатывать ночную смену на кухне в круглосуточной доставке.

Друзьям мамы звонила. Они, конечно, нашли деньги, но там и тысячи нет. Машины не было никогда. Только два велика. Можно распродать все, что есть в квартире. Но все так быстро не выйдет, а если и продам, то за копейки.

Оставалось с отчимом поговорить. Это только если он трезвый. А если выпил, то и говорить не о чем. Он маму ненавидит. Она его вышвырнула из квартиры после его очередной измены и попойки, и в след ведро холодной воды вылила, чтоб быстрее с лестницы бежал.

Отчим с нами давно не жил. Он с какой-то бабой познакомился из районо, и к ней переехал. Но часто приезжал «в гости», чтобы напомнить, что квартира и его тоже.

Я в дверь позвонила и, тяжело вздохнув, приготовилась увидеть лицо Павла Антоновича. Папой я его никогда не называла. Так достоин называться только мой родной отец.

– Викочка, куколка пришла. Неожиданно как! Что там с мамой? Все хорошо?

Глава 2

Я впервые вышла во двор его дома. Со мной случилась какая-то метаморфоза после этого поцелуя. Она была едва заметной, и я не сразу поняла, что произошло... но внутри меня исчез дикий ужас. Как будто мне удалось прикоснуться к страшному смертельно опасному хищнику и понять, что меня не сожрали за это и даже не укусили. А сам хищник отступил назад... То ли перед новым прыжком, то ли решил повременить с расправой. И это не случайность. С Ханом нет никаких случайностей. Он приказал отвезти меня домой, а сам так и не появился.

Вышла на улицу и вдруг поняла, что больше не испытываю адской дрожи во всем теле от одной мысли, что столкнусь с ним. Ведь наши столкновения неизбежны, и мне теперь никуда от него не деться.

У. Соболева. «Невеста для Хана»

Сволочь. Из-за квартиры. Трезвый вроде и доволен. Улыбается. Вышел в засаленной майке и мятых шортах. Из квартиры несет рыбой, пивом и чем-то жареным. Почему-то захотелось, чтоб его сожительница была дома. Никогда

взгляд отчима не нравился. Казалось, он мне под одежду забирается и по телу мерзко шарит.

– Маруся как раз в командировке. Проходи. У меня колбаска, сырок имеются. Голодная?

Я вошла и к стене прижалась, не решилась на кухню пройти. Отчим оживился. На пузе из-под шорт пупок выглядывает и редкие волосинки. Затошнило слегка от гадливости.

– Павел Антонович...

– Ну что ты вечно так официально. Я для тебя всегда могу быть папой.

От этого слова его голосом передернуло.

– Я... ненадолго. Я попросить хотела. Мне деньги срочно нужны. Мама... она в СИЗО сейчас. Ударила одного мажора... он ко мне приставал. В общем, там заплатить надо. Деньги большие. Мне бы квартиру продать...

Приподнял небольшие бровки-запятые.

– Что значит – продать?

– Деньги нужны. Срочно. Я потом вам верну вашу долю. Честно. Я работать пошла.

Осмотрел меня с ног до головы и причмокнул языком. Скорее, невольно.

– Нууу, зачем продавать? У меня есть кое-какие сбережения. Мы можем договориться, цыпленок. Будь поласковой с папочкой, и я решу все твои проблемы. Давно надо было ко мне прийти. Я бы и обласкал, и обогрел.

Протянул лапу и хотел за грудь схватить, но я увернулась и оттолкнула его так, что пузо между майкой и шортами затряслось, как холодец. Лицо отчима побагровело от злости.

– Сучкааа мелкая. На хер пойдешь из квартиры моей. Голая. Манатки все тоже мои. Ничего там твоего нет. И мать твоя вот у меня где! – показал кулак, – Я ее засажу так, что она лет десять там просидит! Побои, снятые, в суд принесу, и ни один адвокат не отмажет! Она и меня когда-то... и матом, и сковородкой! Сучка бешеная, вот кто она!

Только сейчас рассмотрела под глазом Павла большой синяк.

– Заходил к ней недавно. По-доброму хотел, по старой дружбе. Цветы даже принес. Так она меня... гадина!

Я уже бежала вниз по лестнице, сломя голову. Выскочила во двор. Втянула полной грудью майский воздух. Негде мне денег взять. Не смогу я маме помочь. И отчим, когда одна буду, все что угодно придумает и без квартиры оставит.

Вернулась обратно к отделению и села на скамейку. Не уйду, пока с мамой увидаться не дадут. Глаза от слез опухли. Не вижу почти ничего.

– Чего плачешь, красавица?

Подняла голову и увидела его. Наверное, это была сама судьба. Рамиль спас меня. А я... а я влюбилась в него с первого взгляда. В таких влюбляются безоговорочно и сразу. В его бархатные глаза, в его черные кудри и накачанное тело.

Он оплатил за маму проклятые пять тысяч, а я была готова ради него на что угодно. Рамиль ибн Бей. Двадцати двухлетний студент юрфака. Высокий, статный и красивый, как бог. НЕ мужчина, а мечта. Когда я его увидела, у меня сердце остановилось, а когда он предложил мне помочь и вот так просто отсчитал из своего кошелька пять тысяч, у меня ноги подкосились.

Я слышала его разговор со следяком и слышала, как тот лебезил и пресмыкался перед ним. Потом, когда Рамиль уже ждал меня внизу, а я оформляла какие-то бумаги перед освобождением мамы, я услышала, о чем говорили Рыбин и Коновалов. Прокурор и следователь.

– Это сын арабского эмира Али Ахмада Мухаммада ибн Бея. Согласно киваешь и со всем соглашаешься, у нас почти весь город его отцу принадлежит.

Все было как в сказке. После ужасной жизни впроголодь, после того, как мы вместе с мамой боролись за каждый вздох моей сестры, у меня появился свет в окошке. Мой Рамиль. Сказочный принц...

Но ведь сказки придумали люди... а чаще всего эти самые сказки были написаны когда-то, как самые нелепые бредни или ужасы.

Но я была слишком счастлива, чтобы думать о чем-то или о ком-то кроме Рамиля. Я мечтала о нем, я бредила им, я хотела его до трясучки во всем теле, но мой принц был честным и правильным. Он пришел к моей матери и попросил моей руки.

Мамочка, моя любимая мамочка, как же легко мы все купились на эту красивую картинку, как ты радовалась за меня, как собирала мне сумку в дорогу и как покупала за сданные в ломбард кольца свадебное платье, потому что негоже от зятя на платье деньги брать.

Моя глупая и добрая мамочка... и я тоже глупая.

Мы расписались в ЗАГСе. Свадьба была красивая. Я о такой и не мечтала. Много гостей, ресторан.

* * *

Я хотел трахаться, хотел загнать свой член в узкую дырку между ягодиц своей лучшей сучки, а точнее, одной из своих шлюх-содержанок, которую держал вместе с четырьмя остальными в одной из купленных фешенебельных квартир на последнем этаже небоскреба. Приезжал туда, когда мошонка наполнялась спермой, и я точно знал, что не смогу кончить ни с кем другим.

У меня специфические пристрастия в сексе. У меня нет обычных любовниц, случайных подружек или проституток на одну ночь.

Оксана. Она из Украины. Эскортница, которую я выкупил в дешевом борделе в Египте и привез в Эмираты. Лично для себя. Лично для удовлетворения моей похоти.

Я содержал ее и остальных уже более трех лет.

Только Оксана, Окси, как я ее называл, могла удовлетворить мои чудовищные потребности. Чудовищные, потому что... много лет назад из меня сделали не мужчину, а урода, и я не мог кончить как обычный, нормальный человек. Я давно перестал считать себя человеком. Все человеческое из меня выжгли мои враги. Те, кому я поклялся отомстить на крови своих близких. Когда еще был никем... когда еще не знал, чей я племянник и куда увезут меня после того, как...

Мой член превратили в испещрённый жгутами-шрамами шланг, с узлами и выпирающими болезненными буграми. И я помнил, как ОНИ это сделали. Помнил слишком хорошо, так хорошо, что видел это почти каждую ночь во сне.

– Сделаем его евнухом,отрежем член этого пацана! – орал русский командир и заливал глотку водкой с горла бутылки.

– Не надо, Зимин. Мы не они. Мы не звери!

– Звери! Ты видел, что их боевики сделали с нашими заложниками? Что сделали с детьми?

– Но это же подросток, Вован! Это же совсем пацан! Он плачет от боли и ужаса! Давай его отпустим. Разве мы воюем с детьми?

– Вырастет и станет таким же! Они с рождения террористы! Они сожгли живьем женщин и детей! Он из их аула! Может, среди них была его родня! Давай, Серый! Держи ублюдка, я прижгу ему яйца! Оставлю его без хозяйства, чтобы не плодил подобных себе. Это гуманно. Стерилизация диких зверей! Чтоб не размножались! Ладно... отрезать не будем. Слегка поджарим. Если у тебя слабые нервы, Колян, свали и не отсвечивай!

И они жгли мой член. Я орал, терял сознание от боли, а они жгли, корежили мое естество, превращая в месиво из волдырей и ран. Им показалось, что этого мало,

и теперь нужно стерилизовать меня, но им помешали. Поэтому стерилизовать до конца не вышло.

Потом... я буду долго орать прежде, чем помочиться, а мочился я неделями с кровью. Потом... потом я поклянусь самому аду, что найду даже псину, живущую в доме ублюдка-палача, и сниму с нее кожу живьем. Потому что они сожгли мой аул. Сожгли мою старшую сестру, изнасиловали младшую, убили племянников и двоюродных братьев. Потому что они оставили деревню, полную трупов. Деревню, которая не имела ни малейшего отношения к терроризму.

Спустя время я обнаружу, что эрекция доставляет мне адскую боль, а оргазм... только оргазм приносит облегчение, но достичь его настолько сложно, что кажется, мой член нужно стереть в мясо, чтобы он наконец-то мог прыснуть спермой, и я наконец-то перестал корчиться от боли. Возбуждение всегда было сопряжено с адскими страданиями. Чем сильнее каменеет член, тем яростнее болят узлы, тем сильнее ноют шрамы и нервные окончания.

Утоляла мою похоть до конца только Окси.

Остальные не выдерживали. Они рыдали и бежали из моей постели, они орали только от одного вида моего изуродованного члена, лишённого одного яйца и разбухшего от шрамов до огромных размеров. И этот размер я вгонял во все их отверстия, чтобы кончить, там должно быть узко и сухо, чтоб мне было тесно. Мне не нужна была их смазка и их оргазмы. По крайней мере физически это не имело никакого значения, и даже мешало моему удовольствию.

И если они кричат и извиваются, то мне приятнее, и я быстрее кончу. Нет, Я никого не насиловал. Я платил им, чтобы они меня удовлетворяли. Все по-честному. Но некоторые не могли даже за хорошую плату. И я их в этом не винил. Я бы и сам с собой вряд ли смог.

Потом я стал завязывать им глаза, чтобы они не видели мой член. Тогда они не орали и не пугались до обморока, а я мог беспрепятственно их трахать.

Над моим членом часто работали все мои пятеро шлюх, но кончал я только с Окси. Остальные стояли с открытыми ртами и ждали мою сперму на своих языках. За это им платили.

Когда-нибудь я найду того Зимина... найду и уничтожу всю его семью. Превращу в ад его гребаную жизнь. Я никогда не забуду, что они со мной сделали. Да и как, б*ядь, забыть? Мое лицо, мое тело, моя спина и мой член разукрашены шрамами от порки и ожогов, от порезов ножом и круглых ран от потушенных сигарет.

«Мой сын красив, как сам пророк Мухаммад. Мой сын великолепный лев, он самый прекрасный из всех мужчин. Мой младший сын Али Ахмад. Посмотрите на его глаза. Сам бархат ночи позавидует этим глазам, а эти ресницы. Любая красавица умрет от зависти. И этот румянец на смуглой коже. Мой сын красавец».

Так говорила моя мать... раньше. Сейчас назвать меня красавцем никто не смог бы, и я знал, что я чудовище. И срать хотел на это. Чем больше меня боялись, тем сильнее я кайфовал. Пусть боятся. Мне нравится, когда люди смотрят на меня и трясутся от ужаса.

Придет день, когда от ужаса задрожит мой враг и вся его семья.

Я приехал к Окси, которая встретила меня с распостертыми объятиями.

Светловолосая, пухлая, с чуть коротковатыми белоснежными ногами и большой грудью. Не совсем мой вкус, но она знает, как унять моего зверя, как утолить мой страшный голод.

Всегда благоухающая разодетая Окси. Даже сейчас под ее парчовым розовым халатиком голое холенное тело, а на маленьких ступнях тапочки с помпонами на высоком каблуке. Для меня не имело значения, во что она одета. Я трахал их голыми.

И, конечно, знал, что она заносчивая стерва и воображает, что представляет из себя нечто большее, чем бритая п*зда на ножках, а другие девушки это терпят, но ничего, за это каждый раз, когда я ее трахаю, она плачет и кусает до крови свои губы. Так что наказание неизбежно, малышка Окси. За все в этой жизни приходится платить. Особенно за золото и бриллианты на твоём теле, дорогую тачку и тряпки от знаменитых кутюрье.

Сегодня я хотел только ее. Остальные могли не выходить ко мне. И если я не звал, они сидели по своим комнатам.

– Стала раком, голову в пол.

– Да, мой господин... может, я вначале...

– Раком! Сейчас!

И дернул змейку на штанах вниз, высвобождая взбухший буграми член. Пульсирующий от боли и похоти. Я был очень зол. Полчаса назад мой сын сообщил мне, что женился на русской и везет ее к нам домой.

Глава 3

Он привез меня в какой-то дом, поблизости больше ни души. Вокруг лес или парк, я не успела рассмотреть. В голову лезут самые страшные мысли. И мне кажется, что живой я оттуда не вернусь. Ведь говорят, что у известных и богатых людей свои способы пощекотать себе нервы, и этот азиат вполне может оказаться маньяком-психопатом.

Не зря говорят, что жилище напоминает своего хозяина. Снаружи небольшое двухэтажное здание казалось прекрасным невероятным загородным домиком, облицованным белоснежным мрамором, с такой же белоснежной крышей. Никогда в жизни не видела белой крыши... Как будто весь дом покрыт морозным узором или снегом. И несмотря на весь ужас происходящего я не могла не восхититься... но это был лишь фасад. Вскоре мне открылась и боковая часть... резко контрастирующая с высоким забором и главным входом. Недостроенное, скорее, полуразрушенное строение, серое, вывернутое нутром наружу, пугало своей холодной сердцевиной. Здесь явно никто не жил, а строительство забросили уже очень давно. Мне были видны горы материала, накрытые контейнеры с кирпичом, пустые глазницы незастекленных проемов для окон.

У. Соболева. «Падение Хана»

Когда я вошел в нее сзади, она была влажной. Моя покорная сучка ждала меня и уже возбуждалась. Ворвался в ее тело глубоко по самые яйца, схватил за волосы и начал погружаться сильно и очень глубоко. Я знал, что она привыкла, а также знал, что она владеет своими мышцами и может сдавливать мой член все сильнее. Особенно это ощущается при анальном сексе. Искусная любовница, за годы службы мне научилась доставлять удовольствие и владеть своим роскошным телом.

Застонала и задергала бедрами. Ей нравится, я знал это. Она любила боль и удовольствие, и именно поэтому мне нравилось ее трахать. Она отвечала моим пристрастиям, она приносила мне радость соития без осознания, что я кого-то калечу. Гораздо приятнее трахать не стонущее и плачущее бревно, а горячую сучку, которая подмахивает задницей и регулярно проводит операцию по гименопластике. Она единственная смотрела на мой член и не дергалась от ужаса. Она любовно сосала его и гладила. И я не видел в ее глазах страха и отвращения.

Схватил ее за волосы, приподнял и, не выходя из лона, повел к столу, опрокинул на него лицом, задирая ногу на столешницу, и вошел снова. Мне видно, как моя жуткая плоть входит в ее тело. Я стонал, засаживая ей глубже и сильнее, засаживая так сильно, что стол под нами трясся и дрожал. Нежным я никогда не был. Нежность вызывала во мне тошноту.

От нарастающего возбуждения болит каждая вена, болят нервные окончания, и мне хочется выть и причинять боль той, кого я трахаю. Она знает об этом, и она будет терпеть.

Стиснул ее грудь, сдавил соски и, удерживая их, вдирался все быстрее. Насаживая ее на себя именно притягиванием за грудь, покручивая кончики, сдавливая их так, чтоб она вскрикивала от каждого щипка. Повизгивает от боли, дёргается, сжимается. Заводит меня сильнее. Мне нравится, что ей больно, и нравится, что ее влагалище мокреет. Там узко даже когда влажно. Не так, как мне хотелось бы, но узко. Уже, чем у кого-либо еще.

– Сильнее, мой господин... я так хочу тебя, Али. Хочу тебя... хочуууу. Причини мне боль, разорви меня.

Она хотела, это правда. Она действительно меня хотела. И называла первым именем. Которое можно было произносить только таким грязным шлюшкам, как Окси. Ахмадом меня называла мать, сестры, братья, жены и все те, кого я уважал. Для шлюх и низости я Али или Эмир.

Ударами по ягодицам так, чтоб они тряслись и смыкались вокруг члена. Увесистыми шлепками так, чтоб оставались следы от ладони. Мне мало. Разрядки нет. Боль усиливается, возбуждение растет. Оргазм не маячит. А я должен кончить. Срочно и немедленно.

Теперь в другую дырку. Раздвинул полушария и резко вошел между ягодицами, силой растягивая анус. Расслабилась, впустила. Подготовленная сучка. Предвидела, что возьмет и туда.

Но орет. Знает, что мне это нравится. Знает, что я схожу с ума, когда она вот так кричит и дергается, когда извивается и кусает губы. Жестко, яростно, быстро.

Просунул руку между ее ног и ввел пальцы во влагалище, а потом ударил по промежности, цепляя клитор. Легкими шлепками по нему. Девка орет сильнее, громче, сдавил бугорок, покрутил между большим и указательным за самый кончик. И когда она кончает, ее задница сжимает мой член так сильно, что я стону уже в голос вместе с ней. Схватил за горло обеими руками слегка сжимая, врываясь все сильнее. Бьюсь пахом о ее зад. Пальцы ей в рот, по самую глотку, чтоб давилась. А она давится и кончает снова, кусает фаланги и воет. Ее ягодицы красные от ударов, спина покрыта каплями пота.

Выдернул из ее ануса налитый болью член и тут же затолкал в глотку, спуская с диким воплем, закатив глаза, кончая ей в горло.

Отшвырнул в сторону, бросил коробку с украшениями на голую грудь.

– Алмазы из Африки. Продай или носи сама.

– Мой господин... – она хрипит и все еще глотает мою сперму, тянется за моими ногами, целует штанины. – Мой господин отужинает со мной?

Навязчивость злит. Обычно она молчит и не бесит.

– Нет. Я не в ресторан пришел.

* * *

На встречу с сыном ехал уже более спокойный. Приедет, встретит его вместе с этой... Даст ей денег, и на этом проклятый брак будет окончен. Нашел, на ком жениться. Вопреки моей воле.

Глава 4

Смотрел на ее страдания и сам подышал от боли, сжимал руки в кулаки и не представлял себе, как сможет потом вынести ее тело... как сможет дать ей умереть.

Много раз думал о том, как сделает это, представлял себе, как уничтожает это исчадие ада, и потом так же представлял, как она открывает глаза, как тянет к нему руки. И там, в этой комнате он смотрел в ее наполненные слезами голубые глаза и тонул в них, погружался целиком в эту бездну и не мог сопротивляться.

Эти струящиеся хрустальные капли, эти дрожащие розовые губы, эти мокрые белые щеки. Как она молит, как изгибает свою тонкую шею, как тянется к нему.

У. Соболева. «Падение Хана»

Ахмад Мухаммад ибн Бей испытывал ко мне какую-то противоестественную бешеную ненависть, вперемешку с этим невыносимым выражением похоти на дне его черных огромных глаз. И я понятия не имела, за что... чем я заслужила такую жуткую участь, и почему именно он отобрал у меня счастье. За что? Зачем я ему?

Когда где-то за дверью объявили:

«Эмир пожаловал»

Я вся снова заледенела от ужаса, а надежда, что Рамиль возразит своему монстру-отцу, исчезла, едва я взглянула в испуганные и жалкие глаза своего жениха еще там, когда Ахмад объявил, что никакой свадьбы не будет.

– Пошел вон, не путайся под ногами! – рявкнул он тогда сыну, и тот трусливо ретировался, уступая более сильному противнику.

Голос Ахмада прозвучал настолько отчужденно, настолько холодно, что мне показалось, я сейчас упаду в обморок от одного его звука. Никто и никогда не пугал меня настолько сильно, как этот человек, которого и человеком язык назвать не поворачивался.

Эмир вошел в спальню и занял собой все пространство комнаты. Огромный, высокий, худощавый и в тот же момент настолько сильный, что каждая его мышца прорисовывается под черным лонгсливом с воротником под горло. Сколько ему лет? Он выглядел достаточно молодо... Лет тридцать пять или тридцать шесть. Красивый до боли в глазах и в тот же момент совершенно изуродованный с левой части лица грубым шрамом от ожога. Я вздрогнула, увидев этот шрам, но не от жалости, а от суеверного ужаса, потому что он пугал меня, как самое страшное и ненасытное чудовище из адских кошмаров, и это чудовище пришло ко мне в спальню, чтобы уничтожить и разодрать на части.

Эмир двигался, как большая пантера. Играючи мышцами, пружинисто и хищно. Когда он приблизился ко мне, я шумно выдохнула, и мне показалось, что из моего рта пошел пар – настолько рядом с ним стало холодно и опасно.

Ахмад наклонился ко мне, тронул мои волосы и с неким звериным удовольствием выдрал из волос заколку так, чтобы те рассыпались по спине.

– Похожи на омерзительный снег из твоей страны... всегда ненавидел его. Как и зиму, как и все, что с вами связано.

И поднял прядь волос, наматывая на запястье, чтоб уже через секунду рвануть мою голову назад.

Какие огромные у него глаза. Темно-карие. Похожие на бархатную адскую тьму с мелкими золотистыми прожилками. И в черном расширенном зрачке отразилось мое бледное лицо.

– Если я вошел в помещение – ты должна встать, а потом поклониться мне и поцеловать мою руку. Хотя... мне доставит наслаждение наказать тебя за непокорность. Ты даже не представляешь, как часто и как больно я буду тебя наказывать. А еще... ты будешь меня умолять, чтобы я сделал это снова.

Я не хотела наказаний. Мне было страшно, дико и отвратительно. Я всегда боялась боли, страданий и мучений. Я хотела, чтоб меня отпустили, чтоб этот кошмар кончился, и я смогла уехать домой. Пусть отпустит... я ведь просто хотела выйти замуж за его сына. Зачем... зачем он сам женился на мне? Чтобы истязать? За что так люто ненавидит меня?

– Хорошо.

– Не хорошо, а хорошо, мой эмир! Повтори!

Сдавил волосы сильнее, наклоняя меня вниз к своей руке с длинными шрамами на запястье.

– Хорошо, мой господин!

– Целуй!

И я с трепетом прижалась к шраму губами.

Ахмад рывком поднял меня вверх и, сдавив мою грудь, прошипел мне на ухо.

– Ты понятия не имеешь, что такое боль... Ты о ней только слышала или видела в своих тупых мелодрамах. А теперь ты с ней познакомишься. Я сделаю с тобой все, что захочу. Сделаю все то, что творили с моими людьми... такие, как твой отец, и он вместе с ними. Ты станешь моей преданной, покорной сукой, с вечно раздвинутыми ногами и открытым ртом. Я научу тебя ползать у меня в ногах и просить тебя вые*ать!

Такой адской и черной ненависти я никогда не видела в чьих-то глазах. Они такие страшные, такие холодные, такие горящие диким огнем. И то, что он говорит, словно хлыст бьет меня по нервам, по оголенным венам, заставляет взвиться и напрячься всем телом.

– Я буду учить тебя стать моей собакой прямо сегодня ночью, и ты ублажишь меня так, как я того захочу.

Я не знала, за что он так меня ненавидит. Всего лишь день назад я собиралась выйти замуж за Рамиля, всего лишь день назад я была невестой красивого, доброго парня... а уже сегодня я стала женой исчадия ада, чудовища с человеческим лицом. Мой мир разбился вдребезги и никогда не станет прежним.

– Ты будешь носить на своей шее ошейник, ты будешь моей рабыней, моей собственностью, моей псиной. Теперь ты принадлежишь мне!

– Я... я ничего не сделала, я... я хотела стать, стать женой вашего сына... я люблю его... я...

– ЗАТКНИСЬ! Я прекрасно знаю, зачем ты собралась выйти за моего сына, и сколько ему стоило твое согласие! Запомни... в любую секунду лечение твоей сестры прекратится, в любую секунду твою мать снова посадят за решетку!

Мне стало холодно. Настолько холодно, что по всему телу проступили мурашки от озноба. А его страшные глаза сверкнули брезгливым отвращением. Рука продолжала сжимать мою грудь, пока он вдруг не сдернул корсаж свадебного платья вниз к поясу.

Пальцы сдавили сосок, и я вскрикнула от боли. Он сжимал кончик груди с такой силой, что у меня на глазах выступили слезы.

– И нет... я не твой господин. Слишком много чести для собаки. Ты будешь называть меня – хозяин. Ты просто моя собственность и принадлежишь мне. Никаких прав у тебя нет, пока я их тебе не дал. В моем мире у женщины нет души... как и у псины.

Мне очень хотелось, чтобы его пальцы отпустили сосок, но он сдавил его еще сильнее.

– Повтори. Я твоя собака, хозяин, и сделаю все, что ты захочешь, добровольно!

Он улыбался, как психопат. С ненавистью и вожделенной похотью. Он внушал мне суеверный ужас своей жуткой красотой и уродливыми шрамами.

– Прошу... мне больно..., – взмолилась и закусила нижнюю губу. – Я сделаю все, что вы захотите!

– Прошу? Кого ты просишь? – еще сильнее, так, что теперь хочется зарыдать.

– Прошу, мой хозяин.

– Правильно. Умница.

И отпустил сосок. По моим щекам градом полились слезы от унижения и его непонятной жестокости. В ту же секунду его палец нежно погладил красный и пульсирующий от боли сосок. Я почти не дышала.

– Снимай с себя платье и становись на колени! Только вначале завяжи себе глаза!

И я вспомнила, как кто-то из женщин прошептал... там в зале для гостей.

«Интересно, а свою жену он будет трахать с закрытыми глазами или... ей все же можно будет смотреть?»

И швырнул мне черную ленту, продолжая прожигать меня своим черным невыносимым взглядом.

– Надень повязку и стой на коленях.

Этот приказ заставляет сморщиться и ощутить себя ничтожно маленькой. Совершенно ничего из себя не представляющей грязной точкой. А его превосходство столь явное, что я буквально ощущаю в вибрации воздуха эту власть и силу. Этот зверь не привык к отказам и отсутствию подчинения, если надо, он ломает и поставит на колени сам, а то и распластает на полу.

Услышала, как подошёл ко мне, как обошел вокруг и с треском содрал с меня платье. Буквально разорвал его на куски. Так, что оно просто слетело с меня на

пол. Я невольно прикрылась ладонями, но их грубо развели в стороны и выгнули назад.

- Не смей закрываться, или я тебя свяжу!

Страшно понимать, что сейчас я совершенно голая под его ужасным взглядом, и я помню эти зверские, эти безумные карие глаза с вкраплениями застывшего золота.

- Пожалуйста..., - шепотом, почти беззвучно. Пусть отпустит меня. Пусть не причинит мне боли. Я так боюсь боли. Я никогда не раздевалась перед мужчиной. Для меня этот момент должен был быть... с Рамилем. Я мечтала об этом когда-то. А сейчас... этот ужасный свирепый зверь будет рвать мою плоть. Человек не может быть настолько жестоким и страшным. От ужаса захватило дух.

- Сейчас я буду тебя трахать, и если ты начнешь вырываться, то можешь истечь кровью, поняла?

Жалобно расплакалась и несколько раз кивнула. Помертвела всем телом, застыла, даже не представляя, какой кошмар меня сейчас ждет. И почему мне завязали глаза. Никто не придет мне на помощь. В этом доме все для НЕГО. Это его царство, и я уже поняла, что этот нелюдь правит, как царь преисподней.

Из-под повязки мне видны носки его ботинок, как приближается ко мне.

- Протяни руки.

И я послушно протягиваю ладони. Они дрожат настолько сильно, что мне кажется, я способна схватить воздух. Хватает меня за запястье, и я ощущаю кожей нечто огромное, как здоровенная змея. От понимания, что это, перехватывает дыхание и хочется заорать. По ладони скользит шелковистая горячая плоть с какими-то узловатыми жгутами, и я слышу мужской низкий стон.

- Сожми.

Всхлипнув, сжимаю обеими руками.

– Двигай вверх-вниз. Давай.

Содрогаясь от ужаса, двигаю ладонями, ощущая жуткую мощь под пальцами. Содрогаясь от понимания, насколько эта плоть огромна и... изогнута, увита какими-то рытвинами. Я не смогу принять вот это в себя. Я сразу умру. Это будет страшная и мучительная смерть. Отшвырнул мои руки, уперся в плечи, толкая на пол, распластывая на разорванном платье. И я уже, не сдерживаясь, плачу.

– Пожалуйста... не надо. Пожалуйста.

– Заткнись и не зли меня. Просто заткнись и не мешай, и все будет нормально...

Тяжело дыша, сжимаю пальцы в кулаки. Кисти дрожат, все мое тело дрожит. Запах обнаженного мужского тела ударил в ноздри вместе с запахом свежести и пота. Обдало кипятком дыхания у самого лица. Мне показалось, что меня обнюхали, как зверь, и я чуть не заорала. Содрал одним легким движением трусики, и я стиснула колени. Насильно раздвинул их в стороны. От мысли, что меня рассматривают, стало еще страшнее, и я отвернулась, сильно зажмурившись.

– Я говорю – ты подчиняешься.

Нет, я его не понимаю и почти не слышу. Я по-животному боюсь этого монстра и того, что он может со мной сделать. От отвращения к горлу подступает тошнота.

– Ты моя. Ты полностью принадлежишь мне. Вся. Целиком. И я сейчас буду брать то, что принадлежит мне, а ты подчинишься, и чем покорней и спокойней ты будешь, тем меньше боли испытаешь. – дернул за руки к себе, – А начнешь вырываться, этот акт превратится для тебя в ад! И поверь, я буду наслаждаться каждой его секундой!

Этот акцент, этот хриплый шёпот, полный похоти и ненависти. От него все внутри сжимается. Ощутила, как горячие ладони накрыли мою грудь, как сильно ее смяли, сдавили, перекатывая, как сдавили соски, а потом я ощутила, как в них впился его рот, царапая щетиной, кусая кончики. Как зверь, алчно, жадно, хаотично, как будто не в силах сдержаться.

Снова тронул мои ноги и широко развел их в стороны, ломая сопротивление, опускаясь к лодыжкам, придавливая их к полу.

- Не сопротивляйся!

Я не могла... это происходило непроизвольно. Я не могла сдержаться, не могла заставить себя покориться. Тяжело лег на меня сверху, и я задохнулась, выгнулась, ощущая, как сейчас просто расплющена его телом. Одной рукой раздвинул мои нижние губы, растянул в стороны, и я ощутила, как туда уперлось что-то твердое и огромное.

- Б*яаяядь! - с диким хрипом.

Я закусила до крови губы, распахнула глаза под повязкой. О боже, неет. Я не смогу.

- Узко... сухо и узко... - себе под нос, как будто захлебываясь похотью. Мне жутко до омертвения. Первый слабый толчок, и сопротивление моей плоти не дает ему шевельнуться. Меня всю заморозило, я стала каменной, все мое существо сосредоточено, чтобы не впустить.

- Или ты расслабишься, или я разорву.

Задыхаюсь, всхлипываю. Не могу говорить. Мне кажется, я вообще не умею разговаривать.

- Пожалуйста...

От ужаса испытать боль, я вся оцепенела. Растянул мою плоть сильнее и сильным, но прерывистым толчком вбился внутрь. Я закричала. Так закричала, что заболело горло. Выгнулась и застыла от невероятной, ослепительной растягивающей боли. Она оказалась чудовищней, чем я могла предположить. Ощущение, что тебя разорвали на части, и внутри находится раскаленное железо огромных размеров. Вся моя плоть расходится на мелкие трещинки и сейчас лопнет.

- Не двигайся... не сжимайся. Ничерта не делай, б*ядь. Просто лежи. Вот так.

Хрипит у моего уха.

- Слишком... б*ядь... это так слишком...

Боль не отпускает, страх сковывает с такой силой, что кажется, я превратилась в загнанное животное. Его губы где-то у моей шеи, и он дышит прерывисто, рвано, он обжигает мне кожу этим дыханием. Я зарыдала, не смогла сдержаться, слезы заструились по щекам. Я после него уже не встану, я не выживу после этого. Как вообще после этого можно жить? На какие-то мгновения он останавливается, и я тихо дышу, не прекращая плакать, вздрагивая всем телом. Натянутая на его член с ощущением, что сейчас разорвусь на клочки.

- Сука... не утерпеть... хорошо... б*яядь... такая узенькая... такая.

И ему плевать на мои слезы и боль, он начинает двигаться. Нет... боже, нет. Только не это. Не это. Теперь я уверена, что там сейчас все порвется. Никакой ласки, никаких слов, никаких поцелуев. Просто двигается взад и вперед. Протискивается, пропихивается, ускоряясь. Только иногда кусает мои соски и трогает их языком, сильно всасывает. Как смочет. Но это не поцелуи.

Как долго он будет меня мучить и рвать? Когда это кончится?.. Пусть быстрее, пожалуйста. Как же невыносимо там жжет, как же больно все растянуто. Мне нечем дышать. Мне кажется, его член проткнул меня насквозь и давит даже на ребра. Ощутила, как руки сдавили мои волосы, как развернул к себе.

- От этого еще никто не умирал, поняла? Тебя просто е*ут! Выживешь! Выживешь, и еще буду!

Не выживу. Я после этого унижения не знаю, как жить дальше, а от мысли... что меня вот так еще, становится тошно настолько, что кажется, я сейчас умру.

- Смирись... да... не жмись ты! Дааааа... хорошо!

Ему хорошо... ему, ублюдку, зверю. Как же я его люто ненавижу, как же я хочу его убить. Мне никогда в этой жизни уже не будет хорошо. Никогда. Я не забуду этого ужаса. Все тело превратилось в онемевший нерв, и, когда он стал

двигаться еще быстрее, стало все равно, боль застыла на одной ноте. Ее можно терпеть. Она монотонная и навязчивая. От нее сводит всю душу. Перед глазами чернота повязки и в ушах его хриплые и похотливые, скотские стоны. Они все сильнее, все громче. Он уже не сдерживается и рычит зверем, а мое тело дёргается под ним, как тряпичная кукла. От каждого толчка все тело обдаёт кипятком. Ноги уже давно свело так, что не выпрямить и не разогнуть.

Пусть это только закончится. Сегодня. Пусть ненадолго закончится.

– Хорошо... хорошо... – шепчет и шепчет, вонзаясь все быстрее, сильнее, жестче. Пока вдруг не срывается на крик. Яркий, сильный, гортанно жадный. Внутри течет что-то горячее, что-то разъедающее, и так много, что, кажется, затопит. Дергается в конвульсиях, оргазмирует, выкрикивая что-то на своем языке. Потом встал с меня... когда вытаскивал член, я снова застонала... от болезненного облегчения, чувствуя, как между ног стало очень мокро. Перевернул на спину, сдернул с глаз повязку, и я встретилась с жуткими черными безднами. Они не стали другими, не стали мягче. Они все такие же ужасные, только еще более ненавистные.

– Ну что? Я ж сказал, выживешь... рано умирать! Я еще не наигрался!

Вытянул из-под меня платье и пошел твердой походкой на балкон, подтягивая штаны на ходу. Швырнул мое платье куда-то вниз, где слышались улюлюканья и крики на варварском диалекте. Потом прошел через всю комнату, открыл дверь и вышел.

– Ненавижу... чтоб ты сдох... – прохрипела ему вслед и обессиленно упала на пол.

* * *

Это не страсть, это не безумие. Это нечто страшное, очень черное и очень жгучее. Когда человек влюбляется... я слышал, что есть люди, которые влюбляются, но никогда не мог представить себя на их месте и оказался прав. Со мной такого не случилось и не случится никогда. Потому что слово любовь подразумевает нечто совсем иное...

Потому что то, что я испытал, увидев ее впервые, было похоже на падение в черную дыру беспредельной и адской одержимости. Так как выучил наизусть это лицо, потому что знал, как она выглядит, до мельчайших подробностей задолго до нашей первой встречи, как знал и все, что касалось ее проклятой семьи, которую я мечтал уничтожить... изувечить так, чтоб от нее остались лишь следы пепла. И этим пеплом уже начало вонять, хотя я еще не успел приложить к этому руку, но есть и высшее наказание.

Увидеть ее в качестве жены моего сына оказалось не просто ударом – это был плевок в самую прогнившую душу чудовища, живущего внутри меня и жаждущего только одного – смерти всех, кто носил проклятую фамилию Зимины. И да, я настолько бесчестен, что мне плевать – женщины, дети, старики. Я хотел уничтожить племя ее отца до десятого колена. Я бы не побрезговал ни ее матерью, ни ее больной сестрой, никем из этой вонючей семейки... Если бы. Если бы не это ощущение, что мне разворотило грудную клетку от одного взгляда на нее.

Когда увидел ее... вживую. Настоящую. Не фото. С этими развевающимися золотисто-русыми волосами и огромными кристальными голубыми глазами, Я ЗАХОТЕЛ. Нет, не просто захотел, я заалкал ее с такой бешеной силой, что все мое нутро свело судорогой боли. Как ураган, как будто по мне прошелся черный и разрушительный смерч. Она должна была стать моей. Нет, не женщиной, нет, не любимой, не любовницей, а моей вещью, моей скотиной, моей тряпкой. Я захотел ее себе. Всю. Вместе с ее душой, сердцем, гландами, костями, маткой. Причинять ей боль, уродовать ее до такой степени, чтоб стала похожа на изуродованного меня. Взять в рабство, в полнейшее подчинение. Навсегда.

Их брак ничерта не значил в моей стране и для моей семьи. А Рамиль не посмел бы меня послушаться и сказать слово поперек. Только мои решения были законом в семье.

Я не сводил с нее взгляда, я жрал ее глазами. Меня раздирало от ненависти и от презрения к себе и к этой суке, которая выродилась у самой жуткой мрази, какую только могла носить земля, у мрази, изничтожившей мою семью и меня самого.

И именно эту суку я так неистово захотел себе, что просто унижительно не смог себе в этом отказать. Не смог... я хотел. Я думал о том, чтобы просто отрезать ей голову, но при этом меня охватывала дикая боль. От осознания, что не смогу ею

владеть. Было в этом нечто адское. С нормальными людьми такого не происходит, а нормальным я уже не был давно.

В ту ночь... когда увидел ее, когда схватил за волосы и закрыл в комнате, а потом хлестал по щекам своего слабака сына, а он плакал и ползал передо мной на коленях.

- Папа, я не знал... папа, я не думал, что ты будешь против, папа, хочешь, я ее верну? Хочешь, я ее лично убью, папа?

Хотел ли я? Хотел... и вместе с тем меня трясло от понимания, что не смогу. Потому что ядом уже отравило, потому что меня охватило этой одержимостью мгновенно. Перемкнуло, как самого конченого маньяка. Поднял сына за шиворот и прошипел в перекошенное и зарёванное лицо, так похожее на лицо его матери.

- Она тебе не жена... по нашим законам. Забудь о ней, понял?

Кивает быстро-быстро, а я отшвырнул его в сторону и прошел к ней, чтобы... не знаю, чтобы убить, наверное. Быстрыми шагами, снимая с рук перчатки, открывая настежь комнату, и замер, увидев, как она сидит на полу у стены и смотрит на меня испуганными глазами. Настолько прекрасная, что я опять полетел в бездну с такой силой, что дух захватило и пересохло в глотке.

- Простите... что я сделала? Что? Я...

- Заткнись!

Рывкнул и подошел к ней... именно тогда я впервые настолько отчетливо ощутил ее запах и это ужасное головокружение, сводящее с ума. Нет, я не ударил, не убил. Я поднял ее на ноги и смотрел. Искал в ее прекрасном до безумия лице хоть малейшую схожесть с ее отцом и не находил. Ни одной черты, ничего кроме удивительной, буквально ослепляющей женской красоты, от которой мутнел разум и твердел до остервенения член, наливался узлами и буквально причинил боль бешеной каменной эрекцией. В ней возбуждали даже светло-рыжие веснушки на кончике носа, даже молочно-белая кожа и золотистые ресницы, загнутые кверху, как у куклы. Я озверел. Я мгновенно оголодал, как будто вечно жил в постоянной жажде и голоде.

Ее высокая юная грудь просвечивала сквозь тонкую материю летнего платья и пробуждала внутри меня кровавую жадную похоть. Дочь врага... дочь того, кто обрек меня на адские физические и душевные муки, сука, окрутившая моего родного сына и посмевавшая взять мою фамилию... Я принял это решение именно тогда, когда крутил ее сосок между пальцами и смотрел, как она кривится от боли. Я хотел ее под собой. Всегда. Она станет моей личной, моей персональной шлюхой, которую не отнимет никто и никогда, потому что я женюсь на твоей дочери, Зимин. Да, я – черный пес, чурка, или как ты там меня называл, когда бил и рвал меня до мяса. Я чурка и женюсь на твоей белой, чистенькой суке дочери, чтобы метить и драть ее тело, чтобы трахать ее во все дырки и вытирать об нее ноги. Она станет женой Ахмада Мухаммада ибн Бея.

И я исполнил свое желание уже на следующий день. Мне было насрать на возражения тетки Самиды, на то, что это не понравилось имаму. Здесь принимаю решения только я. Никто не указ эмиру.

– Мой лев, мой племянник, мой родной, ты не ведаешь, что творишь. Зачем тебе?

– Я не стану обсуждать свои решения с тобой. Я так хочу.

– Ты можешь иметь любую, кого захочешь. Зачем на ней жениться?

– Я так хочу.

Я любил Самиду, потому что она единственная, кто выжил из нашей семьи, единственная, кто уцелел после жуткой расправы. Головы матери и сестер рассекли прикладом, как и многих других тогда... врачи сшивали по кускам тех, кому все же удалось выжить. Тетка была всем, что у меня осталось, и единственной, кто любила меня морального и физического уroda...

– Твои желания – закон... никто не спорит.

– И не спорь, тетя. Я принял решение.

– Я думала, после смерти Лейлы ты найдешь себе достойную жену...

Передернул плечами при упоминании о смерти жены.

– Малышам нужна мать... разве эта славянка годится на роль матери?

– Им не нужна мать. У них есть я, ты и куча нянек. И хватит об этом. Близнецы ни в чем и ни в ком не нуждаются. Пусть все готовятся к свадьбе. Завтра она станет моей женой, и это не обсуждается.

– А как же... как же Лами?

– Никак! Она выйдет за Рамиля!

Отрезал и вышел из комнаты, оставив ее одну.

Глава 5

Она прятала его в подвале, когда отец приходил домой и бил ее ногами. Спрятала и в этот раз, закрыв на засов, чтоб он не выбежал и не бросился на ее мужа. Чтобы не впился ему в лодыжку зубами, как в прошлый раз, и не получил удар кулаком по голове. А маленький девятилетний мальчик пытался сломать дверь и бился в нее всем своим худым телом, тряс ее, ломал ногти, выл, пока там наверху кричала единственная женщина, которую он любил, а вместе с криками раздавались глухие удары. Он будет их слышать долгие годы во сне и, просыпаясь, молча смотреть в потолок, сжимая кулаки и ожидая своего часа. Тигр умеет ждать. Тигр разорвет обидчика... потом... когда окрепнет и наточит когти с клыками, когда научится нести в себе смерть.

Его не выпустили, даже когда все стихло. Он просидел там несколько дней, пока засов не отодвинули, и бабка Сугар с печальным вытянутым лицом, в черном платке на седой голове, обвязанным вокруг шеи, не выпустила его, пытаясь поймать и обнять, но мальчишка вырвался и бросился наверх с диким криком «мамааааа».

У. Соболева. «Невеста для Хана»

Он прислал ко мне врача. Если только это вообще врач. Отвратительную молчаливую бабку в хиджабе и черной одежде. Здоровая, мощная, с широкой костью. Она скорее напоминала мне жирную ворону. Она не говорила на моем языке, а бормотала что-то себе под нос.

Не спрашивая, повалила меня на кровать, задрала легкую ночнушку и раздвинула мне ноги обеими руками. После того, что сделал ее хозяин, не уже было все равно, у меня внутри все словно выгорело, превратилось в пепел. Мне казалось, что там все порвано, растерто, и мне было страшно даже прикоснуться. Когда мылась, лила туда воды и кусала губы.

Она осмотрела, сунула в меня два пальца, надавила на живот. Потом чем-то смазала половые губы, и на этом осмотр закончился. Поставила тюбик с мазью на стол, кивнула на него и молча ушла. Стало легче и жжение прошло, мазь помогла. Судя по тому, что она ничего не делала со мной, там ничего страшного не произошло и ничего не порвалось, как мне казалось.

Но легче мне от этого не стало. Я казалась себе очень грязной, использованной и ужасно отвратительной. От одной мысли, что увижу этого зверя снова, мне становилось плохо и начинало тошнить еще больше.

Единственная мысль, которая пульсировала у меня в голове – бежать. Найти Рамиля и просить его бежать вместе со мной. Он ведь не может допустить, чтоб это происходило на самом деле. Это неправда. Рамиль добрый, честный, он и пальцем меня не трогал, никогда не обижал, а его поцелуи всегда были нежными и мягкими.

Я сама просила его о близости, но он сказал, что по их законам, только когда будет никах, и я стану его настоящей женой, только тогда между нами произойдет единение тел. И меня буквально трясло от любви и от страсти к нему. Он казался мне таким величественным, таким благородным... не то, что его подонок отец. Жуткий монстр. От одной мысли о нем у меня от ужаса замирает сердце.

Мне принесли одежду. Все белое. Потом... намного позже я узнаю, что он любит этот цвет. Белый. На мне. Он всегда будет одевать меня в белое и в светлое... А сам неизменно во всем черном, как сам дьявол.

Мне прислуживала молчаливая девушка, она помогла одеться, помогла надеть на голову хиджаб и правильно завязать его, застегнула на мне шелковое платье с золотистыми пуговицами.

- Госпожа очень красивый... очень.

Она говорила с акцентом и неправильно, но это были первые добрые слова в этом доме. И я готова была расплакаться, услышав их от нее. Зачем мне эта красота, она принесла мне горе, она принесла мне одни страдания. Я не хочу быть красивой, я хочу отправиться домой. Я хочу быть счастливой.

- Завтракать и обедать здесь, а ужин всегда вместе. Господин так любить, и вы там быть.

О боже! Только не это. Я не хочу его видеть. Я потеряю сознание, если приближусь к нему. Когда она ушла, я набралась смелости и выбралась из комнаты. Этот дом, он был таким огромным, таким необъятным и невероятно роскошным. Все из мрамора, стекла и золота. Восточная вычурность сочетается с современными технологиями, пол застелен коврами с орнаментами и завитушками. Все в белых и бежевых тонах с золотистым отливом. Потолки отражают все комнаты, на стенах висят странные картины с какими-то надписями на арабском языке.

По дому снуют молчаливые слуги, в основном женщины. Никто из них со мной не говорит, все смотрят в пол, вежливо кивают и идут дальше. Когда шла по длинному коридору в неизвестном направлении, увидела в окно Рамиля. Он был в саду. Один с книгой. Сердце тревожно и радостно забилося, и я лихорадочно принялась искать двери в сад, пока не нашла красивый полукруглый выход со стеклянными створками. Скользнула в него и, подбежав к Рамилю, громко вскрикнула. Он обернулся и отшатнулся от меня, как от прокаженной.

- Что ты здесь делаешь? - воскликнул он и лихорадочно осмотрелся по сторонам, потом схватил меня за локоть и оттащил в сторону, придавил к стене. - Немедленно убирайся.

- Рамииииль, любимый мой.

- МОЛЧИ!

– Рамиль! – всхлипнула я и обхватила его лицо ладонями, – Давай сбежим! Давай уедем отсюда в мою страну, там... мы проживем. Я пойду на работу и ты. Мы...

– Ты жена моего отца! Ты в своем уме?! Убери руки от меня!

Отшвырнул мои ладони, и мне показалось, что он вонзил нож мне в сердце.

– Рамиль... как же так, ты же говорил, что любишь меня!

– Люблю... но ты теперь принадлежишь ему!

– Мы можем сбежать!

– Он спал с тобой! Все! Может, ты понесла от него! Отойди... ты теперь его жена и принадлежишь ему! Ты заклеямена им!

– Ты! Ты отдал меня ему... мы могли...

Ударил меня наотмашь по щеке.

– Заткнись! Это ты... ты строила ему глазки, и он захотел тебя!

Щека вспыхнула, запылала не так от удара, как от его мерзких слов, от них все внутри похолодело и помертвело.

– Я?

Мои глаза округлились, и я чуть не задохнулась от боли, от того, что разрывало мне грудную клетку.

– Он... он брал меня насильно... Это...

– МОЛЧИ! Я не хочу ничего знать! Молчиии! – закрыл уши руками. – ВСЕ! Ты его жена, а значит моя мачеха, и не приближайся ко мне! Если нас увидят вместе и что-то заподозрят, нас забьют камнями! Убирайся!

Он швырнул книгу и выскочил из сада в дом, побежал по коридору, а я прислонилась к стене и закрыла глаза. По щекам градом покатались слезы. Я словно истекала кровью от боли, от унижения, от отчаяния. Как в тумане вернулась в комнату, шатаюсь и чувствуя, как подкашиваются ноги, как немеет затылок и нет больше сил, как же я ненавистна сама себе.

Рамиль... Рамиль считает, что я сама виновата. И нет ничего ужаснее его слов. Мне захотелось умереть, прямо сейчас. Прямо здесь. Умереть и больше никогда не открывать глаза.

Лихорадочно искала хоть что-то острое, хоть что-то, чем можно все это прекратить. Увидела десертный нож на подносе с фруктами, схватила его и приготовилась полоснуть себя по венам, как вдруг на мое запястье легла грубая рука, испещрённая шрамами. И я закричала от ужаса, когда он сдавил мое запястье с такой силой, что нож упал на пол и покатился к столу. Мой взгляд встретился с жуткими глазами эмира. Его челюсти сжаты, лицо чуть повернуто в сторону, и мне видна только жуткая обожженная его часть. К горлу подкатывает ком ужаса и отвращения вперемешку с ненавистью.

– Умрешь, когда я этого захочу. Умрешь так, как я этого захочу, и там, где я этого захочу.

– Умру... при первом же удобном случае!

– Я запру тебя в клетку, как животное. Ты будешь сидеть в ней на цепи голая, пока не успокоишься. Здесь нет непокорных. Не заставляй меня ломать тебя, будет не просто больно, а адски больно, и в конце концов ты покоришься...

Он говорил очень тихо и вкрадчиво, говорил жутким низким голосом. Он был одновременно красивым и именно этим и пугал. Такой голос не может быть у такого отвратительного чудовища.

– В этом доме везде камеры. Тебе не дадут умереть... Но, если ты еще раз попробуешь, я клянусь тебе – ты будешь жаждать смерти от того ада, что я тебе устрою.

– Я и так в аду! – закричала ему в лицо, и он поморщился от моего крика, дернул меня к себе.

- Ты и понятия не имеешь, что значит ад.

Какое жуткое у него лицо, сколько в нем ненависти и злобы. Никогда не видела в человеке столько ярости. Почему он так меня ненавидит... что я ему сделала.

- Я хочу, чтобы ты оделась и вышла к ужину.

- Я не хочу есть.

- Никого не волнует, чего ты хочешь. Всем на это насрать. Особенно мне. И если я сказал, что ты пойдешь со мной есть, значит ты пойдешь.

- А если нет? То, что?

Схватил за руку и выкрутил за спину.

- Заставлю. Позову своих людей, тебя поставят на колени. Один будет держать твой рот открытым, а второй засовывать в него ужин, и никто не станет ждать, пока ты проглотишь.

- Вы чудовище!

Отчаянно прошептала я.

- Именно. И тебе надо это запомнить - я чудовище, и если ты будешь меня злить, то с тобой произойдет очень много чудовищных вещей.

- Что может быть чудовищней того, что уже произошло...

- Ты не хочешь этого узнать...

Наконец-то его глаза впились в мои и как-то мерзко блеснули похотью, уже знакомым мне блеском, от которого по телу прошла волна адского ужаса. Как же ужасно ощущать его взгляд, как будто это его руки касаются моей кожи.

В них нет ничего прекрасного. Только адская похоть и презрение, почти осязаемое физически. Я не была уверена, что он вообще умеет улыбаться.

- Давай сними свое платье.

- Что? Нет... не надо!

От ужаса у меня замерло сердце.

- Нет? Ты посмела сказать мне нет?

Надвинулся на меня и грубо схватил за лицо.

- Еще одно гребаное нет, и я вырву тебе язык, чтоб ты не могла больше говорить. Запомни - моя псина отвечать нет не будет. Иначе плеть разукрасит твою спину рваными ранами.

Я опустила до смерти перепуганный взгляд, тяжело дыша, принялась расстёгивать пуговицы на вороте платья и на груди.

- Скажи мне - да, мой Господин. Я сейчас разденусь для тебя! Говори!

Пальцы сильнее сжали скулы.

- Да, мой господин, я сейчас разденусь для тебя.

- Отлично. Раздевайся медленно и красиво.

- Я прошу...

- Что просишь? Давай, скажи, о чем ты меня просишь!

Схватил за волосы и притянул к себе.

- Скажи - вые*и меня, мой господин. И попроси - пожалуйста. Давай тем же умоляющим тоном.

О боже, нет! Только не это! Только не снова этот кошмар, я его не переживу!

- Говори! – дернул сильнее, наклоняя к себе.

- Вые*и меня, мой господин, пожалуйста!

Я никогда раньше не произносила таких ужасно грубых матерных слов, но они его явно возбудили, завели.

- Сейчас! Легла животом на стол, подняла юбку на поясницу, сняла трусы и раздвинула ноги!

- Прошу...

- Я могу позвать своих людей, чтоб тебя подержали, и сделать тебе так больно, чтобы ты от этой боли блевала, а могу... могу это сделать сам. Выбирай!

О боже... боже. Сжала руки, пытаюсь унять дрожь, пытаюсь успокоиться. Подошла к столу, приподняла платье и сняла с себя трусики, облокотилась на стол и подняла юбку на талию, наклонилась вперед, так, что соски коснулись холодной поверхности и тут же сжались.

Сейчас он снова будет жестоко меня мучить, жестоко брать меня туда, где все еще чувствуется припухлость и боль. Я вцепилась в столешницу, зажмурилась, чувствуя, как дрожат мои руки и ноги, как замирает сердце. Почувствовала, как он подошел сзади, его рука прошлась по моим ягодицам, погладила спину, сильно надавила на поясницу, заставляя прогнуться, коленом раздвинул мои ноги еще шире и впился пальцами в промежность. Я всхлипнула, а он сжал мою плоть ладонью.

- Она у тебя маленькая дырочка. Никогда не видел такой маленькой. Очень... очень маленькая.

Засунул в меня палец, и принялся двигать им туда-сюда, и дергаться, сильно выдыхая, как будто что-то очень-очень быстро трет.

Казалось, он говорит не мне, а себе, и водит пальцем по моим нижним губам, заставляя сжиматься еще сильнее. Одной рукой раздвинул губы, а второй прошелся вдоль, задевая клитор и намеренно отыскивая его, потер, вызывая какой-то странный трепет, незнакомый и очень пугающий. Потом наклонился к моему уху. Надавливая на клитор сильнее, вращая пальцем вокруг, выписывая круги и снова возвращаясь к отверстию, проникая в него пальцем. А потом вдруг резкий хлопок ладонью по промежности, так, что тут же отрезвило, и все внутри сжалось от неожиданной боли и страха.

- Если думаешь, что я буду тебе дрочить, ты ошибаешься. Мне на хер не надо твоих оргазмов. Мне насрать - хорошо тебе или нет! И если тебе плохо, меня это только радует!

И в ту же секунду резко водрался в мое тело на всю длину, так глубоко и быстро, что у меня закатились глаза от боли. Схватил меня за бедра и снова рванул вперед, мои глаза широко распахнулись. Он слишком большой, я даже успела забыть, насколько ненормально большой его орган, и как сильно он растягивает меня изнутри, до полного ощущения, что кожа сейчас лопнет. Приятных ощущений как будто никогда не было. Они исчезли, даже не успев начаться.

Я заплакала и уткнулась лицом в стол, чувствуя, как его руки сдавливают меня. Одной рукой держится за стол, другой обхватил мою ягодицу и словно натягивает меня на свой член, одновременно с этим толкаясь вперед так глубоко, что мне кажется, я чувствую эти толчки даже своим сердцем. Толчки болезненные и сильные, грубые. Теперь он очень глубоко во мне и именно там дергается все сильнее и сильнее.

- Маленькая... узкая, тугая. Такая тугая... б*яяядь.

Он высунул член и снова глубоко вошел в меня на всю длину очень резким толчком. Его головка входит больше всего, она огромная, и мне кажется, какая-то бугристая, как и весь член. Я вскрикнула от боли, от отчаяния и тихого ожидания, когда это закончится. Стиснула зубы, и мне показалось, что все мое лицо онемело от того, как я сдавила десна и сжала руками стол за край. Ахмад меня не жалел, не так, как в прошлый раз... в этот вообще не было никакой жалости, и мои слезы, мои стоны боли его не разжалобили. Он двигался все быстрее и хаотичнее, как животное, как ненасытный и голодный зверь, с рычанием и срывающимися стонами.

Как же больно, слишком больно, все горит огнем, все напряжено до предела. Я уткнулась лицом в столешницу, тихо плача, очень тихо, чтоб не разозлить его еще больше. Толчки стали еще яростнее, и я не удержалась – принялась извиваться, вырываясь, пока он не сдавил мою талию и не втиснул меня в стол за голову. Его грубые руки держали меня очень сильно, заставляя быть неподвижной. Он пристроился сверху, вдавливая меня всем телом, и двигался на мне с адской силой. Эти толчки казались невыносимыми, как будто внутри меня огромная палка, и она перемешивает мне внутренности. Неровная палка, с зазубринами и жуткими буграми. Она словно нарочно такая большая и ужасная, чтоб причинить мне максимум боли.

Я кричала и всхлипывала, а он рычал, заглушая мои жалобные стоны, ревел, как животное. Кончал он снова очень бурно, внутри моего тела, с громким гортанным криком.

– Мать твоюююю...

Содрогаясь всем телом, наваливаясь еще сильнее. Так тяжело, что я начала задыхаться от его веса. Потом резко вышел из меня, я услышала звук застегиваемой ширинки.

– Давай одевайся, и чтоб через десять минут была внизу.

И вдруг резко поднял меня со стола и развернул к себе. Долго смотрел мне в лицо и неожиданно провел по моей мокрой щеке костяшками пальцев.

– Ты красивая сука. Моя сука. Запомни это очень хорошо. Твои слезы – это самое лучшее, что я видел в своей жизни.

Лизнул мою щеку, а я вздрогнула и опустила веки.

Ноги еле держат, и я буквально вот-вот рухну на пол.

– Сегодня на ужине будут гости, так что оденься, спрячь волосы, и я жду тебя внизу. Завтра тебя начнут учить всему, что должна знать жена эмира.

Очень хотелось проорать ему в рожу «Будь ты проклят», но я медленно выдохнула, чувствуя, как по ногам течет его семя, вызывая еще больше отвращения. Теперь мне не хотелось умереть – теперь мне хотелось убить его! Убить, освободить Рамиля и сбежать вместе с ним, когда его проклятого отца больше не будет!

Глава 6

Бесит. Это ее «не надо». Бесит и заводит. Они никогда не говорили ему «нет». Ни одна. У всех были притворно-счастливые лица и увлажненные лубрикантами дырки, открытые рты и вываленные языки, ждущие его член и яйца, готовые их отполировать по первому щелчку пальцев. А она плакала и просила, вызывая внутри этого мерзкого червяка, щекочущего внутренности, заставляющего сомневаться, останавливаться. Это злило. Он не привык себя останавливать, не привык медлить. Трахаться – это почти так же, как есть. Хочется – бери, насыщайся. Но эти трепыхания, эти слезы. Ему хотелось, чтоб их не было. Чтоб как с другими... И в то же время именно это и отличало ее от всех других. Ведь ее тело для него не такое. Оно сладкое, оно манит, оно будоражит, и чем – он сам не знал.

У. Соболева. «Невеста для Хана»

На ужин я вышла, еле-еле передвигая ноги. Мне казалось, что у меня там все горит даже после душа и после того, как молчаливая девушка с ужасным акцентом переодела меня снова в белые одеяния. На этот раз длинное красивое платье, приталенное и расширяющееся к коленям, туфли на высоком каблуке и неизменный платок на голове.

– У господина отменный вкус. Вы красота. Очень.

Услужливо поклонилась. Кажется, она единственная, кто здесь относился ко мне дружелюбно. Но во мне не вызвала симпатии даже она. Ничто и никто в этом доме не вызвали во мне добрых чувств. Только тоска, боль и отчаяние. И дикое желание сбежать. Любым способом, каким только можно. Что угодно, только скрыться из этого ужасного места, из этого дома и от его хозяина с жуткими мертвыми глазами. Никто и никогда не причинял мне столько боли, как он.

Никогда еще мне не было настолько омерзительно от собственного тела.

Это очередное белое платье в таких же белых цветах и хиджаб тоже смертельно белый. Для меня они стали цветом траура.

Идти на проклятый ужин не хотелось. Я ощущала себя не просто игрушкой, я ощущала себя ужасно.

В залу меня сопровождал один из его слуг. Небольшого роста, казавшийся мне тенью Ахмада, мужчина. Он ни разу не посмотрел на меня и, когда говорил, опускал глаза в пол. Его голос был низким и учтивым. Но я была уверена, что он меня ненавидит так же, как и его хозяин. Верного пса Ахмада звали Самир. Черноволосый, с темной кожей и лицом, покрытым густой бородой, он пугал не меньше, чем сам Ахмад. Ахмад... Боже! Я ненавижу даже его имя. Ненавижу его красивое и в то же время ужасное лицо с этими жуткими шрамами, его руки, его тело и его огромный, ранящий мою плоть, член. Разве орган может быть настолько большим и настолько узловатым... все, что я раньше знала о сексе, теперь не имело никакого значения. Все, о чем я мечтала... ничто. Только боль, ужас и унижение.

Выдохнула прежде, чем зайти в распахнутую передо мной дверь.

А сделав первый шаг, замерла на несколько секунд – за столом оказалось много людей. Во главе стола сам Ахмад в неизменно траурно черной одежде. Красивый, холодный и жуткий в этой красоте, как жадный неумолимый зверь. Рядом с ним Рамиль, с правой стороны какая-то пожилая женщина. Она взглянула на меня с нескрываемой злобой, настолько ядовитой, что у меня мурашки пошли по коже. Рядом с ней три девушки. Одна во всем белом, как и я, и две другие в роскошных платьях. Очень закрытых, но тем не менее явно дорогих, с золотыми украшениями на шеях, руках в браслетах и кольцах на ухоженных пальцах. На лицах яркая косметика. Со вкусом, но очень броско.

Неподалеку за столом сидели две девочки лет пяти. Они смотрели в мою сторону с любопытством и озорством. Их волосы собраны в одинаковые кучерявые хвостики, у них большие карие глаза, розовые щечки, и они похожи друг на друга как две капли воды. А еще... еще они очень похожи на самого Ахмада. Это его сестры?

Еще две женщины и два мужчины сидят по левую сторону от моего мужа. Я помню, что видела их на свадьбе. Мне стыдно смотреть всем им в глаза. Они знают, что ОН делал со мной сегодня ночью, и все они думают об этом сейчас... Думают и молчат. Они ведь знают, какой он садист и... и что он издевался надо мной, знают, что он меня ненавидит, и никто не пришел мне на помощь и не помешал ему.

- Госпожа...

Меня подвели к столу... я думала, что сяду где-то рядом, но слуга отвел меня за другой стол неподалеку. Потом мне скажут, что отдельно сидят те, кого еще не приняли в семью. Наказанные и отвергнутые. Испытала ли я при этом злость и обиду? Нет. Скорее облегчение. Потому что не буду сидеть за одним столом с этим чудовищем и его чудовищными родственниками, которые ненавидят меня не меньше. Я села за стол рядом с еще двумя женщинами. Они одеты во все черное, их головы покрыты хиджабами, и они смиренно смотрят в свои тарелки. Лишь одна бросила на меня любопытный взгляд и тут же отвела.

- Дорогие мои, - прервала тишину пожилая женщина, она посмотрела на Ахмада, потом на Рамиля. - Мы всех вас здесь собрали сегодня, чтобы сообщить важную новость для нашей семьи. Скоро наша любимая Ламила войдет в нашу семью. Выйдет замуж...

Бабка посмотрела снова на Ахмада, и я вдруг воспряла духом - он снова женится? Неужели? Это означает только одно - меня оставят в покое, а может быть, даже и вышвырнут. Я была бы счастлива.

- За нашего любимого Рамиля.

От неожиданности я столкнула чашку, и она с грохотом разбилась, а я, наверное, стала цвета своей одежды. Замуж за Рамиля? Наверное, в мое сердце вонзились сразу тысячи ножей, вонзились с такой силой, что стало нечем дышать, и меня чуть ли не согнуло пополам.

- Отец...

Слабый голос Рамиля, и я невольно посмотрела на Ахмада, он не сводил с меня пронзительных глаз, в которых плескалась вселенская тьма.

– Ламила станет твоей женой уже завтра, сын. Приготовь для невесты подарок.

Улыбнулся, но глаза остались такими же злыми и очень черными. Слуги суетились и убрали чашку, а я дрожащей рукой тыкала в тарелку, но есть уже не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/il-farg-nevestka-emira

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)